

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12783

EDN: PEEMLC

Концепция человека в повести А. Платонова «Ямская слобода»

М. В. Заваркина

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: mvnikulina@mail.ru

Аннотация. В первой трети XX в. в советской литературе шли споры о новом и старом быте, о «новом» человеке, рожденном революцией, о «живом», «рационалистическом», «гармоническом» человеке. Писатели напряженно искали своего «героя нашего времени». Одним из «изводов темы» (Е. Роженцева) стала тема «маленького человека», который «помещался» в новые исторические условия. Образ «маленького» человека подготавливал появление нового «великого человека» советской эпохи (М. Горький). В статье рассмотрен образ «маленького человека» в повести А. Платонова «Ямская слобода» (1927). Следуя за традицией русской классической литературы в изображении данного типа героя — «петербургскими повестями» А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, произведениями Ф. М. Достоевского, — Платонов разворачивает действие на фоне Первой мировой войны и двух революций. Писатель, с одной стороны, подчеркивает связь своего героя с «маленькими людьми» русской литературы XIX в., с другой — наделяет его новыми чертами. Платоновский герой — это не только «маленький человек», но и «лишний человек», юридический, более того, Филат обладает христианской добродетелью — кротостью характера. Писатель по-своему интерпретирует образ «нового» человека: вместо противопоставления «старый/новый» он актуализирует противопоставление «ветхий/новый», наполненное библейским контекстом. Филат — первый в ряду «душевных бедняков» Платонова, он герой чувства, инстинктов, доброго сердца. Это тот самый «сокровенный человек» Платонова, которого революция заставляет преобразиться, решиться на скромный бунт — уход из Ямской слободы. Платонов, как в свое время Пушкин и Гоголь, поднимает в повести вопрос о взаимоотношении государственной власти и простого человека из народа. Для писателя народ — не абстрактное понятие, не безликая масса: персонализация каждого отдельного «государственного жителя» — утопическая мечта Платонова. Однако писатель понимал, насколько сложным был процесс перерождения простого человека в «нового». Показывая первые попытки «самостоянья» героя, погружаясь в судьбу «маленького человека» XX в., раскрывая его «сокровенность» и в то же время несвоевременность, А. Платонов пытался сформулировать собственное представление о народном счастье и — как и его герой — задавался вопросом: а в революции ли оно.

Ключевые слова: Платонов, Ямская слобода, повесть, маленький человек, лишний человек, юродивый, сокровенный человек, ветхий человек, новый человек, великий человек, революция, бунт, пасхальный хронотоп, пасхальный сюжет

Для цитирования: Заваркина М. В. Концепция человека в повести А. Платонова «Ямская слобода» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 145–173. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12783. EDN: PEEMLC

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12783

EDN: PEEMLC

The Concept of Man in A. Platonov's Short Novel (Povest') "Yamskaya Sloboda"

Marina V. Zavarkina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: mvnikulina@mail.ru

Abstract. In the first third of the 20th century there were disputes in Soviet literature about the new and old way of life, about the “new” man born by the revolution, about the “living,” “rationalistic,” “harmonic” man. Writers were intensively searching for their “hero of our time.” One of the “versions of the topic” (E. Rozhentseva) was the theme of the “little man” who was “placed” in new historical conditions. The image of a “little man” prepared the appearance of a new “great man” of the Soviet era (M. Gorky). The article considers the image of the “little man” in A. Platonov’s short novel (povest’) “Yamskaya Sloboda” (1927). Following the tradition of Russian classical literature in depicting this type of hero — the “Petersburg short novels” by A. S. Pushkin and N. V. Gogol, the works of F. M. Dostoevsky — Platonov unfolds the action against the background of the First World War and two revolutions. The writer, on the one hand, emphasizes the connection of his hero with the “little people” of Russian literature of the 19th century, on the other — endows him with new features. Platonov’s hero is not only a “little man,” but also an “extra person,” a fool, in addition, Filat possesses a Christian virtue — meekness of character. The writer interprets the image of the “new” person in his own way: he actualizes the “old/new” opposition, filled with a biblical context. Filat is the first in a row of Platonov’s “spiritual poor,” he is a hero of feelings, instincts, and a kind heart. This is the same “intimate person” of Platonov, whom the revolution forces to transform, to on a modest revolt — leaving the Yamskaya Sloboda. In the short novel, Platonov, like Pushkin and Gogol in their time, raises the issue of the relationship between the state power and the common man. For the writer, the people are not an abstract concept, not a faceless mass: the personalization of each individual “statesman” is the writer’s utopian dream. However,

Platonov understood how difficult the process of a transformation of an ordinary person into a “new one” was. Showing the first attempts of the hero’s “self-standing,” plunging into the fate of the “little man” of the 20th century, revealing his “innermost” and at the same time untimely, A. Platonov tried to formulate his own idea of national happiness and — like his hero — wondered if it was in the revolution.

Keywords: Platonov, Yamskaya Sloboda, short novel, povest’, little man, extra man, fool, secret man, old man, new man, great man, revolution, riot, Easter chronotope, Easter plot

For citation: Zavarkina M. V. The Concept of Man in A. Platonov’s Short Novel (Povest’) “Yamskaya Sloboda”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 145–173. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12783. EDN: PEEMLC (In Russ.)

Повесть «Ямская слобода» была написана А. Платоновым в августе 1927 г. и опубликована в 11-м номере журнала «Молодая гвардия»¹. Это одна из пяти повестей, созданных писателем в конце 1926-го — середине 1927 г.: «Эфирный тракт», «Епифанские шлюзы», «Город Градов», «Сокровенный человек», «Ямская слобода»². Выбрав жанр повести, писатель по-разному наполнил «память жанра» (М. М. Бахтин): от элементов фантастики («Эфирный тракт») и фактов исторического прошлого («Епифанские шлюзы») до актуальной в те годы темы борьбы с бюрократией в новом советском государстве («Город Градов») и темы гражданской войны («Сокровенный человек»). В повести «Ямская слобода» Платонов обращается к теме Первой мировой войны и России накануне и во время двух революций, т. к. действие длится с июля 1916 до конца 1917 г.³ Согласимся с В. А. Свительским, что повесть «Ямская слобода» — это «предыстория платоновского героя. Автор на время становится бытописателем, чтобы раскрыть один из ликов российской жизни до революции и обосновать логику происшедших в 1917 г. перемен. Рисуеться то, что совсем недавно стало прошлым» [Свительский: 17].

¹ В 1928 г. произведение входило в сборник повестей «Сокровенный человек», а в 1929 г. — в сборник повестей «Происхождение мастера».

² 1927-м г. датируется также незаконченная лирическая «повесть в письмах» «Однажды любившие» и повести «Строители страны» и «Происхождение мастера», вошедшие в роман «Чевенгур» (1927–1929) (подробнее см.: [Корниенко, 2021: 545–546]).

³ Подробнее см.: [Роженцева, 2016: 667–668].

Замысел повести сформировался у Платонова еще в Тамбове. 26 января 1927 г. он писал жене: «Думаю засесть за небольшую автобиографическую повесть (детство, 5–8 лет, примерно)»⁴. В комментариях к письму сказано, что, скорее всего, писатель имел в виду повесть «Ямская слобода»⁵. По мнению Е. Роженцевой, «воспоминания детства были лишь одной из причин, побудивших писателя к созданию» произведения. Другая причина — «современный литературный контекст» [Роженцева, 2016: 665]. Именно в это время в советской литературе шли споры о новом и старом быте⁶, о «новом» человеке, рожденном революцией⁷; споры о «героизации героя»⁸, о необходимости изображения «живого», «гармонического», «рационалистического» человека⁹ и т. п. Новая советская литература напряженно искала своего «героя нашего времени»¹⁰. Как писал один из современников:

«В нашей современной (и уж особенно пролетарской) литературе наш современный (и уж особенно пролетарский) читатель будет искать не Онегина и не Печорина, а того героя, который <...>

⁴ А. П. Платонов — М. А. Платоновой 1921–1945. Письма 1921–1926 гг. / публ. Н. Корниенко // Архив А. П. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1. С. 468.

⁵ Там же. Однако ранее эти слова относили к незаконченной повести о детстве «Дар жизни», которую Платонов также задумывал в конце 1920-х гг. (см.: [Корниенко, 1993: 119]).

⁶ По мнению Е. Роженцевой, «идеологи культурной революции видели в старом быте главное препятствие для создания новой жизни» [Роженцева, 2016: 666].

⁷ По замечанию М. Геллера, «Октябрьская революция произошла, как гласили ее вожди, для того, чтобы создать нового человека, который, по словам Троцкого, "поднимется до уровня Аристотеля, Гете, Маркса"» [Геллер: 26]. Как указывает Т. А. Никонова, «знаковой фигурой в реализации мифологемы "новый человек" для марксистски настроенной части общества был естествоиспытатель Александр Александрович Богданов»: «новый человек» должен был стать «строителем, (тектологом, в терминологии А. Богданова), творцом нового мира уже за порогом революции» [Никонова, 2003: 13, 27].

⁸ Подробнее см.: [Роженцева, 2003: 135].

⁹ Одной из первых статей на тему «живого человека» в советской литературе стала статья С. Ингулова «О живом человеке» (На посту. 1923. № 4. С. 78–104). «Эта статья открыла долгую дискуссию о "новом человеке", "живом человеке", "рационалистическом человеке", "гармоническом человеке"» [Грознова, Бузник: 183].

¹⁰ О поисках «героя времени» в советской литературе подробнее см.: [Поляков: 144–151], [Роженцева, 2003: 135].

изо дня в день выполняет свою революционную миссию с настойчивостью и решимостью, какие только и могла родить наша эпоха»¹¹.

В поисках нового «героя времени» «одним из "изводов" темы», — пишет Е. Роженцева, — «стала тема "маленького человека" в истории, которую в 1926–1928 гг. — от Гоголя и Пушкина — продолжают писатели, обосновывая ценность человеческой жизни» [Роженцева, 2003: 135]. Наиболее подходящим жанром для воплощения образа «маленького человека» в литературе начала XX в., как и в русской литературе XIX в., стал жанр повести. В первой трети XX в. жанровые границы оказались размытыми¹², повесть была одним из самых распространенных жанров, другие жанры «уподоблялись» ей (подробнее см.: [Грознова, Бузник: 154]). Повесть 1920-х гг. подключилась к поискам «героя времени»: с одной стороны, «утверждались» новые герои — «активные борцы за справедливость», с другой — в повестях 1920-х гг. «не теряла актуальности гуманистическая проблема "маленького человека"», многие писатели «не оставались равнодушными к судьбам людей, стоявших в стороне от решающих событий истории» [Грознова, Бузник: 148, 158]. Все чаще появлялись произведения, в которых «типы людей старой действительности испытывались идеями нового мира» [Грознова, Бузник: 187]. Своего «героя времени» ищет и Платонов¹³, который также выбирает жанр повести. Платонов в целом следует за той гуманистической традицией, которая была обозначена идеологами советской литературы, прежде

¹¹ Ингулов С. О живом человеке. С. 82.

¹² Не случайно Ю. Тынянов в статье «Литературное сегодня» (1924) признал, что «исчезло ощущение жанра. "Рассказ", "повесть" <...> больше не ощущаются как жанр» [Тынянов: 150].

¹³ В начале 1930-х гг. Платонов напишет пьесу с говорящим названием «14 Красных избушек, или "Герой нашего времени"». Кроме того, в повести «Ювенильное море» (1932) Платонов нарисует образ энтузиаста (Вермо) как «героя нашего времени». Об этом косвенно может свидетельствовать тот факт, что, не имея возможности опубликовать повесть, Платонов частично переработал ее в очерк «Человек нашего времени». Как верно заметила Н. Дужина: «Идея человека своего времени — нового человеческого типа, сформировавшегося в советскую эпоху, героя или даже антигероя — занимала писателя более или менее всегда» [Дужина: 244].

всего М. Горьким¹⁴, и изображает в повести «Ямская слобода» своего «маленького человека», Филата, который находится в стороне от решающих событий того времени: Первой мировой войны и революции.

Платонов не стремился противопоставить «старого» и «нового» человека — в текстах писателя показана «не борьба нового со старым, а их *смена*» [Никонова, 2003: 186]. Кроме того, Платонов актуализирует не противопоставление «старый/новый», а противопоставление «ветхий/новый»: эпитет «ветхий», наполненный у Платонова в том числе и библейским контекстом, приобретает «универсальный» характер: он «характеризует разные объекты, которыми могут быть самые разные сущности: природные явления, артефакты, люди, одушевленные объекты, абстрактные понятия; при этом он аккумулирует эстетическое, этическое, философское, религиозное содержание, представляя и поясняя феномен трагического у А. Платонова» [Спиридонова: 559].

Исследователи выделяли разные типы платоновских героев¹⁵: тип естественного, «природного» человека, которому противостоит тип сверхчеловека [Малыгина, 1995: 30], [Яблоков: 196]; образ «сироты, странника, мастера, героя, юродивого, вредителя» как разные ипостаси типа «сокровенного человека» [Корниенко, 1993: 103]. Т. А. Никонова называет главного героя Платонова середины 1920-х гг. «человеком идущим», который противостоит героям-преобразователям произведений писателя начала 1920-х гг.: «Место "нового" человека в размышлениях Платонова естественно занял "сокровенный" странник, для которого главным является поиск своего места в жизни» [Никонова, 2003: 196]. Наоборот, «антитезой» к образу сокровенного человека — Фомы Пухова — называет Филата А. Варламов, который считает, что Филат «еще не одухотворенный, но готовый к одухотворению человек» [Варламов: 131]. Наконец,

¹⁴ Установка на гуманизм новой советской литературы была актуализирована М. Горьким в статьях первой половины 1930-х гг., а на Первом съезде советских писателей в 1934 г. слово «гуманизм» получило право на существование (подробнее см.: [Роженцева, 2003: 138–139]).

¹⁵ По мнению Л. П. Фоменко, именно со времени создания «Ямской слободы» можно «безошибочно выделить платоновского человека при всем множестве образов, созданных художником» [Фоменко, 1970: 45].

Л. П. Фоменко, а вслед за ней уже другие исследователи¹⁶, первая писала о трансформированном типе «маленького человека» в повестях Платонова: «Платоновский герой 20-х гг. восходит к традиционному в русской литературе типу "маленького человека" и принципиально от него отличается» [Фоменко, 1970: 45–46].

Образ «маленького человека» начал интересовать писателей уже в XVII в.: «Серьезность вопросов, стоявших перед новой, демократической литературой XVII в., была связана с социальными проблемами своего времени. Авторы <...> начинали интересоваться вопросами социальной несправедливости, "безмерная" нищета одних и незаслуженное богатство других, страдания *маленьких людей*, их "босота и нагота"» [Лихачев, 1986: 110]. Это было, по мнению Д. С. Лихачева, «великим предвозвестием гуманистического характера русской литературы XIX в. с ее темой ценности *маленького человека*, с ее сочувствием каждому, кто страдает и кто не нашел своего настоящего места в жизни» (курсив мой. — М. З.) [Лихачев, 2015: 235–236]. Конфликт «маленького человека» с государством и обществом, ставший «жанровым содержанием» русской повести 1830–1840-х гг., по мнению В. Н. Захарова, позволил различать повесть и роман как жанры литературы в целом [Захаров, 1985: 17].

В русской литературе конца XVIII — начала XX в. образ «маленького человека» нашел свое воплощение в произведениях Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, А. И. Куприна, М. Горького, Л. Андреева, Ф. Сологуба и других писателей. Впервые в критической литературе употребил этот термин В. Г. Белинский в статье «Горе от ума»¹⁷: «...горе *маленькому человеку*, если он, считая себя "не имеющим чести быть знакомым с г. генералом", не поклонится ему или на балу не уступит места, хотя бы этот маленький человек готовился быть великим человеком!.. тогда из комедии могла бы выйти трагедия для "маленького человека"» [Белинский: 226]. По мнению А. В. Жучковой, «Белинский не вводит в литературоведение это понятие, а скорее обобщает предшествующую тенденцию

¹⁶ См., напр.: [Малыгина, 1995: 10], [Дырдин: 156], [Роженцева, 2003, 2016], [Сизых: 8–9], [Матвеева: 6] и др.

¹⁷ Подробнее см.: [Манн: стб. 495].

делать из героя низкого социального положения рупор демократических идей, возникшую еще в XVIII веке, в эпоху классицизма и Просвещения» [Жучкова: 13].

Одним из первых в ряду «маленьких людей» русской литературы XIX в. традиционно выступает Самсон Вырин из повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель». В этом произведении конфликт носит еще бытовой характер, хотя возникающий образ блудного сына (дочери) переводит эту повесть «из социально-бытового плана в философский» [Сокол: 8]. Иной позиции придерживается, например, И. А. Есаулов, который не видит в пушкинской повести воплощения евангельского сюжета о возвращении блудного сына и рассматривает повесть как произведение о чуде любви: «Пушкинский финал — светлый финал. Героиня все-таки осуществляет возвращение, хотя и на могилу отца. Она "умирает" только лишь в своей функции дочери станционного смотрителя и "воскресает" как любящий и любимый человек. В прозаическом мире есть все-таки место любви, что вполне сродни чуду — в этом сокровенный смысл пушкинского текста» [Есаулов, 2012: 25]. Однако важно, что, начиная с произведений А. С. Пушкина, «тип "маленького" человека обретает психологическую и философскую глубину, под влиянием которой социальный статус героя обретает уже иную окраску, и далеко не всегда сочувственную» [Жучкова: 13]. Как указывает А. П. Кузичева, в XIX в. термин «маленький человек» сливался с другими, что придавало ему новые черты: в «1830–1840-е годы, вместо "маленький человек" в разговорную речь, в тексты самих произведений вошло словосочетание "бедный чиновник", а затем его вытеснило "мелкий чиновник", в свою очередь превратившееся в "мелкого человека"» [Кузичева: 63].

Советская литература, следуя за традицией русской классической литературы в изображении «маленького человека», тоже «дошла» до интерпретации «маленького» человека как «мелкого». Например, повесть Л. Леонова так и называлась — «Конец мелкого человека» (опубл. в 1924 г.). Однако советские критики все же в большей степени проповедовали гуманистический подход в освещении темы «маленького человека», руководствуясь тем, что «советский человек всегда на стороне угнетенных» [Шафранская: 24]. Постепенно

кротость русского народа становилась помехой для революционных преобразований¹⁸. «Маленький человек» не вписывался в новую советскую действительность, на его смену должен был прийти «великий» человек пореволюционной эпохи: «...писателям предстояло как бы заново распознать величие человека, проявляющееся уже не в открытом ратном подвиге, а в мало-заметных, может быть обыкновенных, обстоятельствах мирного бытия» (курсив мой. — М. 3.) [Грознова, Бузник: 188]. Объединил два взгляда на «нового человека» М. Горький, который в 1920-е гг. писал о «решающей роли в истории "маленьких великих людей", труд которых становится основанием культуры» (курсив мой. — М. 3.) [Роженцева, 2003: 138–139]. Так, в статье 1929 г. «О "маленьких" людях и о великой их работе» Горький утверждал, что именно после революции стало возможным оценить труд «маленьких людей» (рабочих и крестьян), на основе которого выросли «великие люди» настоящего¹⁹.

Кроме типа «маленького человека», русская литература XIX в. создала тип «лишнего человека»; этот термин после публикации «Дневника лишнего человека» И. С. Тургенева (1850) прочно вошел в обиход литературной критики и начал распространяться на более ранние произведения. «Лишний человек» в литературе XIX в. — это, как правило, герой, обладающий большими способностями (Чацкий, Онегин, Печорин, Базаров и др.), но оказывающийся ненужным современному ему обществу. Образ «лишнего человека» снова возникает и в литературе XX в., что было отмечено советскими критиками: «В самом факте внимания к "антигерою", "лишнему человеку современности"» советские идеологи усматривали «бегство от гражданских тем», «правую опасность» [Грознова, Бузник: 187]. На Первом съезде советских писателей М. Горький в докладе о советской литературе заявлял, что «лишние люди» не то, что не нужны новой литературе, их «не должно,

¹⁸ В 1923 г. в письме к съезду научных работников Л. Троцкий «резко негативно высказался о "кротости" русского народа» (подробнее см.: [Роженцева, 2016: 666]).

¹⁹ Горький М. О «маленьких» людях и о великой их работе // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 25: Статьи, речи, приветствия. 1929–1931. С. 9.

не может быть» вовсе²⁰. При этом платоновский герой не только представляет собой инвариантный образ «маленького человека», но и по-своему является «лишним» для нового строящегося мира. Однако он не нужен этому новому миру, в отличие от героев литературы XIX в., из-за своей недалекости, юродивости, забитости. Таким образом, платоновский герой, в том числе и в повести «Ямская слобода», совмещает в себе черты «маленького человека», «лишнего человека»²¹, «ветхого человека»²² и юродивого²³. Кроме того, по мнению А. А. Дырдина, «угол зрения, под которым писатель видит жизнь слободки, расширяет возможность совмещать "юродивость" героя с евангельским идеалом кротости и терпения» [Дырдин: 154].

Платонов, как и Пушкин в «петербургской повести», сопрягает в «Ямской слободе» быт и историю: повествование начинается с исторической справки, связывающей появление слободы с деятельностью Екатерины II²⁴, до которой эти «степнные места стояли пустыми и страшными» (211). Постепенно

²⁰ Доклад А. М. Горького о советской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. С. 14.

²¹ «Лишним человеком» современники Платонова называли также Фому Пухова из повести «Сокровенный человек» (см.: Майзель М. Ошибки мастера // Звезда. 1930. № 4. С. 195–202).

²² Следует отметить, что в повести «Ямская слобода» эпитет «ветхий» почти не встречается, два раза «ветхой» названа одежда жителей слободы (см.: Платонов А. Ямская слобода // Платонов А. Сочинения. Т. 2: 1926–1927: повести, рассказы, сценарии, статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 246, 249. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках). Также в начале повести упоминаются «ветхие ворота» в одном из главных домов слободы — в доме Астахова, у которого жил и работал Филат (211). Однако А. В. Поляков считает, что эпитет «ветхий» в «Ямской слободе» играет важную роль при создании «мотивного кольца»: «... от описания почти всегда закрытых "деревянных ветхих ворот" <...> до описания отставленной Филатом двери в хате, откуда он уходит в финале. ...» [Поляков: 105]. Справедливости ради нужно сказать, что в финале повести эпитет «ветхий» при описании двери все-таки отсутствует (251).

²³ Юродство платоновского героя отмечали многие исследователи (см.: [Фоменко, 1970: 45], [Лукин: 243], [Дырдин: 151], [Малыгина, 2011: 540], [Гюнтер: 115–120] и др. работы).

²⁴ Обращение к эпохе Екатерины II тоже не случайно. Как пишет Н. В. Корниенко, «документальных подтверждений работы Платонова над романом о Пугачеве мы не имеем, однако следы интереса к эпохе Екатерины II, прежде всего к происходящим в XVIII в. миграционным процессам мы находим в экспозиции "Ямской слободы"» [Корниенко, 2005: 641].

пространство осваивалось поселенцами, которых Екатерина сочла «дорожными жителями, нужными для прогона курьеров и чиновников по девственным степям» (211). Увеличивая «эпическую дистанцию» [Бахтин: 568, 586, 591], Платонов совмещает историю и современность, так как на смену старым порядкам, идущим еще от Екатерины II, вместе с революцией приходят новые, о которых в повести жители слободы только догадываются. Однако, несмотря на бытописательность повести, в ней очевиден главный конфликт, который впервые наиболее явно звучал именно в пушкинском «Медном всаднике»: конфликт власти и простого человека из народа²⁵. Как указывает В. Н. Захаров, именно Пушкин «ввел в русскую повесть темы Петербурга и России, "властелина судьбы" и "маленького человека"» [Захаров, 1985: 69].

Этот же конфликт лежит в основе гоголевской «Шинели», несмотря на то, что, на первый взгляд, данная модель взаимоотношений в повести отсутствует: Гоголь тоже сначала переводит повествование в бытовой план. Это позволило В. Марковичу заметить, что у Гоголя «петербургская тема лишается в его повестях традиционной для высокого искусства прямой связи с темой Петра и вообще выносится за пределы высокой "гражданской" истории. Это бросается в глаза, если обратиться к любой из пяти повестей, не исключая и "Шинель", в сюжете которой как будто бы фигурируют три участника главной коллизии "Медного всадника" — "маленький человек", Государство и непокоренная Стихия» [Маркович: 127]. Исследователь в данном случае противоречит сам себе, а более точен В. В. Кожинов,

²⁵ Платонов по-своему интерпретировал «петербургскую повесть» Пушкина: для него образ Медного всадника — Петра, символизирующего государственную идею, — вовсе не противопоставит бедному Евгению, представляющему стихийное, народное начало. Согласно Платонову, России «нужны оба»: и Евгений, олицетворяющий естественное, природное, патриархальное начало, и Петр, который «по вдохновению жизни, по быстрому, влекущему стремлению к дальним целям истории» не может не вызывать симпатии (Платонов А. Пушкин — наш товарищ // Платонов А. Сочинения. Т. 6: 1936–1941. Кн. 3: Литературная критика. Публицистика. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 13). Пушкин, как считает Платонов, объединил «обе ветви, оба главных направления для великой исторической работы, обе нужды человеческой души. Разъедините их: получатся одни "конфликты", получится, что Евгений — либо убожество, либо "демократия", противостоящая самодержавию, а Петр — либо гений чудотворный, либо истукан. Но ведь в поэме написано иначе» (Там же).

который отметил у Гоголя «глубинную историчность», в том числе и в тех повестях, которые кажутся чисто «бытовыми», например в таких, как «Шинель»: «Как и в пушкинской поэме, в "Шинели" несомненно выступают три "феномена" — "маленький человек", Государство и, так сказать, Стихия, которую Государство не в силах покорить, победить» [Кожин: 10–11].

Эти же три составляющие: «маленький человек», государство (в данном случае царская власть) и стихия (революция и народ) — присутствуют и в художественном пространстве «Ямской слободы»: Платонов помещает своего «маленького человека» в новые исторические условия — Первая мировая война и революция. Филат прочно занимает свое место в ряду «душевных бедняков» А. Платонова — это кроткий, скромный, постоянно стыдящийся себя человек. Платонов не раз подчеркивает «доброту сердца» (227) Филата: «Другого такого кроткого, способного и дешевого человека не было» (227). Филат не чуждается даже самой ничтожной работы, например вручную чистит выгребные ямы, что является реалией того времени²⁶. Как и Акакий Акакиевич у Гоголя, переписывающий бумаги и находящий в этом свою поэзию и смысл жизни, Филат выполняет мелкую однообразную работу и рад ей. Если герой Гоголя мечтает о новой шинели, то герой Платонова — о хорошей лошади. В обоих случаях названы даже суммы, которые предстоит накопить героям: Акакию Акакиевичу нужно 80 рублей, Филату — 100 (219). На первый взгляд, — и это не раз отмечалось в критической литературе о Гоголе — мечта о новой шинели слишком ничтожна для человека. Однако и шинель, и лошадь — самые необходимые вещи для героев Гоголя и Платонова: они нужны, чтобы элементарно выжить. Кроме того, Гоголь предлагает, по мнению Л. Н. Дмитровской, «евангельское понимание корней образа "маленького человека"»: он продолжает развивать «евангельскую притчу о жизненном пути человека, писатель утверждает его малость как Богом данную сущность» [Дмитровская: 2]. То же самое можно сказать и о герое Платонова: Филат на протяжении всей

²⁶ Как указывает О. Ласунский: «В слободах ютились сапожники, плотники, печники, камнетесы, бондари, колесники, шорники, коновалы, овчинники, портные, медники, скорняки, картузники и иной ремесленный люд. Особой "привилегией" слобожан считалась работа по очистке отхожих мест и выгребных ям» [Ласунский: 25].

повести смиряется со своим «маленьким» положением, но это отнюдь не «мелкий» человек, как, например, у Леонова²⁷.

Платонов делает Филата одиноким и бездомным сиротой, лишает его родных и близких. Тема утраты Дома²⁸ снова связывает повесть Платонова с «Медным всадником» Пушкина. Однако если «бедный Евгений» Пушкина решается на кроткий бунт после потери возлюбленной, то Филат пытается жить и выживать, даже не мечтая о любви и своем доме:

«...Филат девицам не радовался; он — человек без памяти о своем родстве и жил разным слободским заработком <...>, но одного не мог — жениться» (214).

Согласимся с Н. Хрящевой, что в финале повести Платонова «функцию Дома» обретает «категория Дороги» [Хрящева: 259].

Единственный друг Филата — бежавший с фронта Первой мировой войны Сват, который, согласно этимологии имени, «сватает» Филата «к прообразу Новой жизни» [Хрящева: 252]. Образ Свата показывает, как далек был Платонов от того, чтобы следовать за традицией новой советской литературы, где одной из главных тем стала тема «столкновения героического с будничным» [Грознова, Бузник: 190]. В повести Платонова герои, наоборот, бегут с фронта Первой мировой войны, лишаются всего героического. Писатель находит для них оправдание: «война звала мужчин, а жены вдовели и тосковали»:

«— Я, Филат, ушел с войны по своему желанию! — признается Сват. — Дюже там скорбно, и своя жизнь делается ни к чему!» (229).

Пришедший в слободу солдат обвиняет во всем царскую власть:

«Сукины они дети, да разве же допустимо любовь у человека отнимать? Чем потом отплачивать будут?» (233).

²⁷ В коллективной монографии «Русская советская повесть» было высказано мнение, что Платонов не делит людей на «маленьких» и «крупных» и что для него «понятия "маленького" человека вовсе не существовало» [Грознова, Бузник: 215]. На наш взгляд, Платонов не делит своих героев на «мелких» и «крупных», но образ «маленького человека» все-таки является значимым для его творчества.

²⁸ Т. А. Никонова считает, что «неизбежная люмпенизация слобожанина, вчерашнего крестьянина, ведет к естественной утрате своего пространства, к утрате чувства дома» [Никонова, 2011: 34].

Именно Сват называет Филата «кротким», но «глупым» (225), используя это определение не только как противоположное эпитету «умный», но в большей степени как противоположное слову «хитроумный», каковыми являются слобожане, которые «жили не заработком, а жадностью» и бессовестно использовали дешевый труд Филата (223). Несмотря на то, что голова Филата, по его же признанию, «завяла» (226), у него остается чувство как средство познания мира: «...когда шевелилась у Филата мысль, он слышал ее гул в своем сердце» (239).

Противопоставление ума сердцу — одна из главных коллизий в текстах писателя. «У Платонова <...> слова *ум, разум, голова, мысль*, а также *чувство* и *сердце* сами начинают занимать позицию субъекта», каждая из этих сфер функционирует самостоятельно и не зависит от воли человека: «Писатель постоянно решает вопрос о приоритете мысли или чувства в психической деятельности человека», «чувство рассматривается Платоновым как равноправная форма познания, при этом чувственное познание противостоит рациональному» [Вознесенская, Дмитровская: 141, 142]. На наш взгляд, создавая образ Чиклина в повести «Котлован» (1930), Платонов будет отталкиваться от образа Филата из «Ямской слободы». Этот образ снова появится и в повести «Впрок» (1931), под тем же именем. В данной повести Платонов сравнивает революцию с воскрешением в новую жизнь: принятие крестьян в колхоз ассоциируется с рождением нового человека или даже скорее — с перерождением крестьянина в колхозника. Эта ассоциация найдет сюжетное воплощение в описании колхоза «Сильный поток», где повествователь рассказывает «быль» про Филата-батрака, который так же, как и Филат из «Ямской слободы», был «необходим», только теперь уже «в колхозе»: он жил «в усиленных заботах о колхозном добре»²⁹. Филата из повести «Впрок» хотели принять в колхоз «на первый день пасхи, дабы вместо воскресенья Христа устроить воскресенье бедняка в колхозе»³⁰. Но не успели: старик умер от «счастья»³¹. Предполагаемое «воскресение» в новой жизни в колхозе обернулось

²⁹ Платонов А. Впрок // Платонов А. Сочинения. Т. 4: 1928–1932. Кн. 1: Повести. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 305.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 306.

гибелью героя, чья смерть так же красноречива, как смерть героев в «Чевенгуре» и «Котловане». Коллективизация оказалась слишком «сильным потоком», сметающим всех без разбора.

Однако в первом варианте повести «Ямская слобода» герой носил имя Фома, а не Филат. Писатель отказался от имени Фома, как считает Е. Рожнецва, из-за «народной этимологии» — аналогии с Фомой неверующим [Рожнецва, 2016: 668]. Писатель изменил имя Фома на Филат, которое, с одной стороны, означает «любящий»³², с другой — «дурачок»³³. В отличие от Фомы неверующего, Филат не может верить или не верить в происходящие события, ведь он даже не в состоянии их осмыслить — кроме того, в противовес Фоме неверующему, Филат «доверчивый, простодушный» [Рожнецва, 2016: 668]. О событиях Первой мировой войны и революционных преобразованиях, которые происходят за границами слободы, он слышит, в том числе из комментариев бежавшего с фронта Свата или пришедшего в слободу солдата, но не может сомневаться в целесообразности этих событий (как, например, Фома Пухов — герой повести Платонова «Сокровенный человек») именно потому, что сомнение — признак работы ума, которого у Филата, судя по описанию, нет:

«Филату от работы некогда было опомниться и подумать головой о постороннем — и так постепенно и нечаянно он отвык от размышления; а потом — когда захотел — уже нечем было: голова от бездействия ослабла навсегда» (235).

Однако имя Фома все же звучит в окончательной редакции повести — в упоминании Фоминой недели как срока, до которого должен решиться самый главный вопрос: «Дадут мужику землю в результате революции или нет?». Платонов сопрягает пасхальный хронотоп³⁴ с революционным:

«По ночам на станции иногда стреляли, иногда нет. А слобода запасалась продовольствием, срочно стягивая все недоимки

³² Подробнее см.: [Никонова, 2000: 285].

³³ См.: «Филатка, м. дурачекъ» (Словарь живаго великорусскаго языка: в 4 т. Владимира Даля. СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. С. 550). Впервые указала: [Рожнецва, 2003: 63].

³⁴ О «пасхальном хронотопе» в русской литературе см.: [Есаулов, 1995: 145–158].

с мужиков за прошлогодний урожай. Захар Васильевич лично ездил в деревню к своему арендатору и наказывал:

— Время, Прохор, мутное, а ты мне пшена должен сорок пудов — вези, пока дорога заквокла, а то скоро распустит, тогда до самой *Фоминой недели* не просохнет!

— Да я уж не знаю, Захар Васильевич, как и быть! — сомневался Прохор, не теряя учтивости в словах. — Говорят, будто земля теперь даром мужику отойдет и с недоимками дело терпится!» (курсив мой. — М. 3.) (237).

Фомина неделя, или Антипасха, — вторая неделя после Пасхи, когда Святой апостол Фома, отсутствовавший во время первого явления Христа после Своего Воскресения, пришел к апостолам: «Когда он пришел, то другие апостолы бросились делиться с ним этой радостью. Но он им не поверил, мотивируя свое неверие следующими словами: "Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю" (Ин. 20:25). Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет о поведении Фомы: "Так выразилось не неверие, враждебное Богу, — так выразилась неизреченная радость; так выразилась душа пред величием события, превышающего человеческий ум, пред величием события, изменившего состояние человечества. С Христом и во Христе воскресло человечество. Всеблагий Господь не замедлил доставить возлюбленному ученику желанное им удостоверение"»³⁵.

В повести «Ямская слобода» благая весть подменяется вестью о революции: герои «Ямской слободы» слышат о ней, но не верят, так как из города поступают противоречивые известия:

«— Царя давно нету — на железной дороге дезертиры бунтуют... А мы сидим — ничего не знаем...» (236);

«Революция — это одна свобода, а собственность тут ни при чем — как была, так и останется!» (237);

«На всех богатства неостанет, а вот хлеба скоро не будет, тогда все само укротится!» (241).

Сопрягая пасхальный хронотоп с революционным, Платонов в духе времени интерпретирует и выражение «пуп земли» (213–214).

³⁵ Иерей Андрей Чиженко. Что такое Антипасха, или Зачем нужна вторая Пасха // Портал «Православие.ru» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/93122.html> (10.03.2023).

В начале повести рассказывается об ученом Бергравене, которого императрица Екатерина II назначила дать «поименное название» для особо усердных ямщиков (213) и который с этой целью путешествует по российской степи. Ученый останавливается у прадеда Астахова и из «ученых» же целей просит найти «пуп земли» как некое живое сакральное место, без которого «земля расплзлась бы» (213). «Пуп земли» трактуется здесь скорее в мифологическом и онтологическом смысле, чем в религиозном:

«— Ты поезди-ка, дружок, один по степи да посмотри на высоких гладких местах: нет ли на земле завязи или скрепы какой — вроде пуповины у тебя на животе...» (213).

Астахов сначала «из страха» искал «пуп», но потом перестал, так как «не хотел морить коня», и сказал ученому, «что уезжает на *три дня* в высокую дальнюю степь, а сам ускакал к куму-казаку в гости, за сорок верст» (курсив мой. — М. З.) (213). Указание на время, с одной стороны, отсылает нас к сказочному «три дня и три ночи», с другой — к ветхозаветному и евангельскому — именно столько находились Иона в чреве кита и Иисус в «сердце земли»: «Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение. Но Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф. 12:38–40). В христианской традиции «пупом земли» называется город Иерусалим и непосредственно то место, которое находилось рядом с пещерой Гроба Господня, а потом внутри Храма Гроба Господня.

Астахов обманывает ученого и сообщает, что нашел «пуп земли» «в бугристом месте, посреди степи». Однако по описанию он напоминает скорее останки человека: весь «червивый», в «кровоточинах и шитый из кусков», «старый», «обветшалый и из живого тела сотворен» (214). Обман Астахова и его описание «пупа земли», с одной стороны, могут свидетельствовать о том, что для платоновских героев Христос так и не воскрес, с другой стороны — о том, что у Платонова актуализировано мифопоэтическое понимание «пупа земли» как «пупа *первочеловека*»³⁶.

³⁶ Топоров В. Н. Пуп земли // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 350.

Так, по указанию В. Н. Топорова, «пуп земли» может трактоваться как «пуп первочеловека» — «космического тела», которое «в мифопоэтических и религиозно-философских традициях» означает «антропоморфизированную модель мира»³⁷. О подмене религиозного сознания мифопоэтическим свидетельствует и тот факт, что Бергравен, слушая рассказ Астахова, «исписал на *псалтыре* целую стопку бумаг» (курсив мой. — М. 3.) (214). По мнению А. Дырдина, «земной пупок — "земная завязь" — эманация мирового центра, заставочный образ, служащий писателю для окаймления трагической судьбы главного героя <...>. В повести Платонова данный символ воспринимается как место встречи земли и неба» [Дырдин: 154].

Наконец, новости о революции в виде слухов доходят и до Филата, который вдруг прозревает:

«Филат слушал и начинал понимать простоту революции — отъем земли» (242).

Лишенный последней возможности заработать на хлеб, Филат не умирает, а, наоборот, перерождается:

«... втайне Филат чувствовал какую-то влекущую мысль: он надеялся, что если выйдет из слободы, то с голоду не пропадет, а раньше бы пропал. Постоянный скрытый страх за жизнь, с годами превратившийся в кротость, рассасывался внутри сам по себе, и сердце все больше разогревалось волнующими первыми желаниями. Чего он желал — Филат не знал. Иногда ему хотелось очутиться среди множества людей и *заговорить о всем мире*, как он одиноко догадывался о нем» (курсив мой. — М. 3.) (242).

Показывая процесс осознания «маленьким человеком» своего места в «большой революции» и его желание «заговорить о всем мире», Платонов сближает своего героя с героем Достоевского. В романе «Бедные люди» Достоевский показал не столько «маленького человека», что стало «общим местом» в исследованиях о произведении, сколько сам процесс перерождения героя: «У Достоевского нет лишних и маленьких людей. <...> Каждый безмерен и значим, у каждого свое Лицо» [Захаров, 2013b: 160]. Макар Деушкин «перерождается, и это перерождение <...> в слове и слове. <...> Переписчик становится писателем» [Захаров, 2013a: 85].

³⁷ Топоров В. Н. Первочеловек // Мифы народов мира. Т. 2. С. 300.

Филат, конечно, не становится писателем, но он готов отказать от своей малозначительности и выйти в большой мир революции из маленькой слободы, чтобы заявить о себе и о своем понимании происходящих событий. Он больше не стыдится себя и своего нищего положения:

«Филат почувствовал такую крепость в себе, как будто у него был дом, а в доме обед и жена. Он уже больше не боялся голода и шел без стыда за свою одежду» (248).

Филат решается на скромный, но бунт:

«Я не нарочно на свет родился, а нечаянно, пускай теперь все меня терпят за это, а я мучиться не буду» (248).

Тема бунта снова связывает повесть Платонова с «петербургскими повестями» Пушкина и Гоголя. Филат больше не хочет «безмолствовать», а значит, не хочет ощущать себя частью толпы, массы — слово, столь нелюбимое А. Платоновым. По мнению исследователей, на художественное решение проблемы «личность-масса» в советской литературе первой трети XX в. повлияла именно «жанровая природа повести»: «Проза первой половины 20-х годов занимает особое место в традиции художественного осмысления русской литературой роли народа, народных масс в истории. Эта традиция ведет свою родословную со времен Пушкина. Найденная им поэтическая формула — "народ безмолвствует", в которую писатель вложил сложное психологическое, историческое содержание, стала тем поэтическим зерном, из которого развилась богатейшая традиция. И вполне закономерно, что образ народной массы, впервые открыто выступившей на арене истории, приобрел столь важное значение в прозе пореволюционного периода» [Грознова, Бузник: 94].

Платонов отходит от этой традиции: писатель не использует термин «массовый человек»: в его статьях 1930-х гг. вместо слова «масса» «возникает понятие "рядовой народ", объединяющее как раз тех героев, которые для русской советской литературы уже стали негативно "массовыми"» [Никонова, 2003: 195–196]. В повести «Ямская слобода» писатель употребляет другие словосочетания, противоположные слову «масса», — «сплошной народ» и «ровный народ». Эту мысль Платонов, как это часто

бывает в его произведениях, вкладывает в уста второстепенного персонажа — солдата:

«— Царь и богатые люди не знают, что *сплошного народу* на свете нету, а живут кучками сыновья, матери, жены — и один дороже другому. И так цопко кровями все ухвачены, что распцепить — хуже, чем убить... А сверху глядеть — один *ровный народ*, и никто никому не дорог!» (курсив мой. — М. 3.) (232–233).

Для писателя народ — не абстрактное понятие, не безликая масса, персонализация каждого отдельного «государственного жителя» — утопическая мечта Платонова. Неслучайно в финале повести Филат отправляется в странствие в одиночестве, которого до этого момента боялся. Показывая перерождение героя, Платонов сопрягает пасхальный (который понимается в духе времени как воскрешение героя к новой жизни после революции), кумулятивный³⁸ и, как это ни парадоксально, циклический сюжеты³⁹. Последний заявлен в повести на уровне финала, который остается открытым: уходя, Филат забывает закрыть дверь⁴⁰, а значит, он оставляет за собой возможность вернуться обратно⁴¹. В статье «Ворота, двери и окна в романе "Счастливая Москва"» И. А. Есаулов указывает на художественную функцию дверей в произведениях Платонова: они связаны с «действием» и олицетворяют «границу между героем и другими» [Есаулов, 1999: 252, 254], которую следует преодолеть, с чем Филат благополучно справляется. С другой стороны, открытые финалы в целом характерны для повестей Платонова: «продолжение в жизни» — как бы говорит читателю автор.

Важно также, что Филат уходит из слободы зимой, когда выпадает первый снег, который традиционно (в образе метели)⁴²

³⁸ «Ямская слобода», по мнению О. Ласунского, создана в «характерной для раннего Платонова манере: фабула в ее традиционном понимании отсутствует, действию не хватает динамизма, повествование вязнет в калейдоскопе сцен» [Ласунский: 27].

³⁹ Как указывал И. А. Есаулов, «пасхальный сюжет представляет собой особый сюжетный тип — наряду с кумулятивным и циклическим» [Есаулов, 2004: 44].

⁴⁰ Впервые это заметила Т. Никонова [Никонова, 2000: 288].

⁴¹ «Кольцевую композицию» обнаруживает в повести и А. А. Дырдин, но анализирует ее как переход «из одного обжитого места в другое» [Дырдин: 154].

⁴² Как верно заметила Т. А. Никонова, «в произведениях Платонова (особенно это касается текстов начала 1920-х гг.) чрезвычайно важным оказы-

в русской литературе является символом стихии/революции. Мы не можем согласиться с мнением, высказанным Н. О. Ласкиной, что в повести «Ямская слобода» снег ассоциируется со смертью героя: «Снег–смерть (–дорога)» — «спайка», возникающая в «Ямской слободе» [Ласкина: 13]. Ближе к истине Н. Хрящева, которая считает, что «снег как символ смерти неожиданно» для Филата «переходит в символ дороги как начала новой жизни по первопутку» [Хрящева: 259]: «Для кого в снегу смерть, а для меня он — дорога!» — восклицает в финале повести Филат (248).

Платонов понимал, насколько сложным был процесс перерождения простого человека из народа в «нового» человека, перекованного революцией. Следуя за традицией русской литературы в изображении «маленького человека» — «петербургскими повестями» А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, Платонов, с одной стороны, подчеркивает связь своего героя с «маленькими людьми» русской литературы XIX в., с другой — наделяет его новыми чертами. Платоновский герой — это не только «маленький человек», но и «лишний человек», юридивый, более того, Филат обладает христианской добродетелью — кротостью характера. Филат — первый в ряду «душевных бедняков» Платонова, он герой чувства, инстинктов, доброго сердца. Это тот самый «сокровенный человек» Платонова, которого революция заставляет преобразиться, решиться на бунт — уход из Ямской слободы. В этом писатель видел и величие своего «маленького человека»⁴³. Показывая первые попытки «самостоянья» героя, погружаясь в судьбу «маленького человека» XX в., раскрывая его «сокровенность» и в то же время несвоевременность, А. Платонов пытался сформулировать собственное представление о народном счастье и — как и его герой — задавался вопросом: а в революции ли оно.

вается мотив пути, образы дороги (жизни), метели (революции)» [Никонова, 2011: 30].

⁴³ Как писала Л. П. Фоменко, платоновский «маленький человек» «измучен голодом, задавлен темнотой <...>, одинок и жалок», но в нем «заложена возможность величия» [Фоменко, 1969: 7]. В 1940-е гг. Платонов напишет рассказ «Великий человек» (опубл.: [Колесникова: 305–318]). По замечанию Е. Рожнецовой, образ Филата-батрака обретет в нем свое завершение: «... писатель находит место этого героя в истории». Более того, «Платонов уравнивает понятие сильный/слабый человек и великий/маленький» [Рожнецова, 2003: 143–144].

Список литературы

1. Бахтин М. М. К вопросам теории романа // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). С. 557–607.
2. Белинский В. Г. Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2. С. 182–242.
3. Варламов А. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. 546 с. (Сер.: Жизнь замечательных людей.)
4. Вознесенская М. М., Дмитровская М. А. О соотношении ratio и чувства в мышлении героев А. Платонова // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 140–146.
5. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Paris: YMCA-PRESS, 1982. 408 с.
6. Грознова Н. А., Бузник В. В. Повесть 20-х годов // Русская советская повесть 20–30-х годов / под ред. В. А. Ковалева. Л.: Наука, 1976. С. 73–217.
7. Гюнтер Х. По обе стороны от утопии: контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 216 с.
8. Дмитровская Л. Н. Новый взгляд на образ «маленького человека» в повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. Киев, 2009. № 4. С. 2–5.
9. [Дужина Н.] Новые материалы к истории текста произведений Платонова 1930–1931 гг.: «Котлован», «Шарманка», «Ювенильное море» / статья и публ. Н. Дужиной // Архив А. П. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1. С. 237–269.
10. Дырдин А. А. «Ямская слобода» Андрея Платонова: топосы степного пространства // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 3. С. 150–161 [Электронный ресурс]. URL: <https://filclass.ru/archive/2021/tom-26-3/yamskaya-sloboda-andreya-platonova-toposy-stepnogo-prostranstva> (01.04.2023). DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-13
11. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с.
12. Есаулов И. Ворота, двери и окна в романе «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 252–260.
13. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
14. Есаулов И. А. О сокровенном смысле «Станционного зрителя» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 25–30 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457947949.pdf (01.04.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.336
15. Жучкова А. В. Нравственный аспект образа «маленького человека» в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» // Филологический класс. 2016. № 3 (45). С. 12–20 [Электронный ресурс]. URL: <https://>

- filclass.ru/archive/2016/45/nravstvennyj-aspekt-obraza-malenkogo-cheloveka-v-povestyakh-pokojnogo-ivana-petrovicha-belkina (01.04.2023). DOI: 10.26710/fk16-03-02
16. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. 208 с.
  17. Захаров В. Н. Что открыл Достоевский в «Бедных людях»? // Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. С. 75–87. (а)
  18. Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 150–164 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (01.04.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2013.377 (b)
  19. Кожин В. В. Вместо предисловия // Гоголь: история и современность: к 175-летию со дня рождения. М.: Сов. Россия, 1985. С. 3–14.
  20. [Колесникова Е. И.] Малая проза Платонова / публ. Е. И. Колесниковой // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. Кн. 2. СПб.: Наука, 2000. С. 254–318.
  21. Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. 320 с.
  22. Корниенко Н. Между Москвой и Ленинградом: о датировке и авантексте романа «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6. С. 624–678.
  23. Корниенко Н. В. Комментарии // Платонов А. Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 3: 1927–1929. Чевенгур. С. 545–582.
  24. Кузичева А. П. Кто он, «маленький человек»? (Опыт чтения русской классики) // Художественные проблемы русской культуры второй половины XIX века: сб. науч. тр. М.: Наука, 1994. С. 61–114.
  25. Ласкина Н. О. Принципы организации художественного времени и пространства в прозе А. Платонова двадцатых годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2000. 19 с.
  26. Ласунский О. Житель родного города: воронежские годы Андрея Платонова (1899–1926). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. 288 с.
  27. Лихачев Д. С. Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе / отв. ред. О. В. Творогов. Л.: Наука, 1986. С. 96–112.
  28. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.
  29. Лукин И. Формы разума в художественно-философской системе А. Платонова. На материале рассказа «Мусорный ветер» и повести «Ямская слобода» // Вопросы литературы. 2017. № 3. С. 242–260.
  30. Малыгина Н. М. Художественный мир А. Платонова. М.: МПУ, 1995. 96 с.
  31. Малыгина Н. М. Комментарии // Платонов А. Эфирный тракт: повести 1920-х – начала 1930-х годов / под ред. Н. М. Малыгиной. М.: Время, 2011. С. 539–540.

32. Манн Ю. В. Маленький человек // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. Стб. 494–495.
33. Маркович В. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л.: Худож. лит., 1989. 208 с.
34. Матвеева И. И. Комическое в творчестве Андрея Платонова 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 18 с.
35. Никонова Т. Смислообразующая роль оппозиции в повести «Ямская слобода» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Вып. 4. С. 282–288.
36. Никонова Т. А. «Новый человек» в русской литературе 1900–1930-х годов: проективная модель и художественная практика. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. 232 с.
37. Никонова Т. А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. 220 с.
38. Поляков А. В. Принципы и приемы выражения авторской оценки в произведениях Андрея Платонова конца 1920-х — начала 1930-х годов: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 169 с.
39. Рожнецва Е. А. Историческая концепция А. П. Платонова (на материале истории текста повестей «Епифанские шлюзы» и «Ямская слобода»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 306 с.
40. Рожнецва Е. А. Комментарии // Платонов А. Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2: 1926–1927: повести, рассказы, сценарии, статьи. С. 662–681.
41. Свительский В. А. Андрей Платонов вчера и сегодня. Статьи о писателе. Воронеж: Полиграф, 1998. 156 с.
42. Сизых О. В. Мотивы русской классики в творчестве А. Платонова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 20 с.
43. Сокол Е. М. «Маленький человек» в творчестве русских писателей 1840-х годов в свете христианской традиции (от Гоголя — к Достоевскому): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 27 с.
44. Спиридонова И. А. Эпитет «ветхий» в художественном мире А. Платонова (на материале «Чевенгура» и военных рассказов) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8. С. 538–570 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=3467> (01.04.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2008.3467
45. Тынянов Ю. Н. Литературное сегодня // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 150–166.
46. Фоменко Л. П. Творчество А. П. Платонова (1899–1951): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. 17 с.
47. Фоменко Л. П. К вопросу о концепции героя в творчестве А. Платонова 20-х годов // Творчество А. Платонова: статьи и сообщения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1970. С. 45–55.
48. Хрящева Н. П. «Кипящая Вселенная» А. Платонова: динамика образотворчества и миропостижения в сочинениях 20-х годов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 1998. 323 с.

49. Шафранская Э. Ф. «Маленький человек» в контексте русской литературы XIX — нач. XX в. (Гоголь — Достоевский — Сологуб) // Русская словесность. 2001. № 7. С. 23–27.
50. Яблоков Е. О типологии персонажей А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 1994. Вып. 1. С. 194–203.

References

1. Bakhtin M. M. On the Issues of the Theory of the Novel. In: *Bakhtin M. M. Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Bakhtin M. M. Collected Works: in 7 Vols]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, vol. 3: Novel Theory (1930–1961 rr.), pp. 557–607. (In Russ.)
2. Belinskiy V. G. Woe from Wit. A Verse Comedy in Four Acts by Alexander Griboedov. In: *Belinskiy V. G. Sobranie sochineniy: v 9 tomakh* [Collected Works: in 9 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977, vol. 2, pp. 182–242. (In Russ.)
3. Varlamov A. *Andrey Platonov*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 546 p. (Ser.: The Life of Wonderful People.) (In Russ.)
4. Voznesenskaya M. M., Dmitrovskaya M. A. About the Relation Between Ratio and Feeling in Thinking of A. Platonov's Heroes. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Mental'nye deystviya* [Logical Analysis of Language. Mental Actions]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 140–146. (In Russ.)
5. Geller M. *Andrey Platonov v poiskakh schast'ya* [Andrey Platonov in Search of Happiness]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1982. 408 p. (In Russ.)
6. Groznova N. A., Buznik V. V. The Short Novel of the 20s. In: *Russkaya sovetskaya povest' 20–30-kh godov* [Russian and Soviet Short Novel of the 20s — 30s]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 73–217. (In Russ.)
7. Gunther H. *Po obe storony ot utopii: konteksty tvorchestva A. Platonova* [On Both Sides of Utopia: Contexts of A. Platonov's Works]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 216 p. (In Russ.)
8. Dmitrovskaya L. N. A New Look at the Image of the “Little Man” in N. V. Gogol's Short Novel “The Overcoat”. In: *Russkiy yazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze* [Russian Language, Literature, Culture in School and University]. Kiev, 2009, no. 4, pp. 2–5. (In Russ.)
9. Duzhina N. New Materials to the History of the Text of Platonov's Works of 1930–1931: “The Pit”, “The Barrel Organ”, “Juvenile Sea”. In: *Arkhiv A. P. Platonova* [Archive of A. P. Platonov]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, book 1, pp. 237–269. (In Russ.)
10. Dyrdin A. A. “Yamskaya Sloboda” by Andrey Platonov: Topoi of the Steppe. In: *Filologicheskiy klass* [Philological Class], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 150–161. Available at: <https://filclass.ru/archive/2021/tom-26-3/yamskaya-sloboda-andreya-platonova-toposy-stepnogo-prostranstva> (accessed on April 1, 2023). DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-13 (In Russ.)

11. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [The Category of Sobornost' in Russian Literature]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p. (In Russ.)
12. Esaulov I. A. Gates, Doors and Windows in the Novel "Happy Moscow". In: "Strana filosofov" *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* ["Country of Philosophers" by Andrey Platonov: The Problems of Works]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, issue 3, pp. 252–260. (In Russ.)
13. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [Paskhal'nost' of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
14. Esaulov I. A. On the Sacred Meaning of "The Station Master" by Alexander Pushkin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 25–30. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457947949.pdf (accessed on April 1, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.336 (In Russ.)
15. Zhuchkova A. V. The Moral Aspect of the Image of the "Little Man" in "The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin". In: *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2016, no. 3 (45), pp. 12–20. Available at: <https://filclass.ru/archive/2016/45/nravstvennyj-aspekt-obraza-malenkogo-cheloveka-v-povestyakh-pokojnogo-ivana-petrovicha-belkina> (accessed on April 1, 2023). DOI: 10.26710/fk16-03-02 (In Russ.)
16. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: tipologiya i poetika* [The System of Genres of Dostoevsky: Typology and Poetics]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 208 p. (In Russ.)
17. Zakharov V. N. What Dostoevsky Discovered in "Poor People"? In: *Zakharov V. N. Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on the Creative Work]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 75–87. (In Russ.) (a)
18. Zakharov V. N. Dostoevsky's Poetic Anthropology. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 150–164. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (accessed on April 1, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2013.377 (In Russ.) (b)
19. Kozhinov V. V. Instead of a Preface. In: *Gogol': istoriya i sovremennost': k 175-letiyu so dnya rozhdeniya* [Gogol: History and Modernity: to the 175th Anniversary of His Birth]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1985, pp. 3–14. (In Russ.)
20. Kolesnikova E. I. Platonov's Short Prose. In: *Tvorchestvo Andreya Platonova: issledovaniya i materialy* [Works of Andrey Platonov: Research and Materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, book 2, pp. 254–318. (In Russ.)
21. Kornienko N. V. History of the Text and the Biography of A. P. Platonov (1926–1946). In: *Zdes' i teper'* [Here and Now], 1993, no. 1. 320 p. (In Russ.)
22. Kornienko N. V. Between Moscow and Leningrad: On Dating and Avanttext of the Novel "Chevengur". In: "Strana filosofov" *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* ["Country of Philosophers" by Andrey Platonov: The Problems of Works]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, issue 6, pp. 624–678. (In Russ.)

23. Kornienko N. V. Comments. In: *Platonov A. Sochineniya* [Platonov A. *The Works*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, vol. 3: 1927–1929. Chevengur, pp. 545–582. (In Russ.)
24. Kuzicheva A. P. Who Is He, the “Little Man”? (Experience of Reading Russian Classics). In: *Khudozhestvennye problemy russkoy kul'tury vtoroy poloviny XIX veka: sbornik nauchnykh trudov* [Artistic Issues of the Russian Culture of the Second Half of the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 61–114. (In Russ.)
25. Laskina N. O. *Printsipy organizatsii khudozhestvennogo vremeni i prostranstva v proze A. Platonova dvadtsatykh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Principles of Organizing Artistic Time and Space in the Prose of A. Platonov in the Twenties. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Novosibirsk, 2000. 19 p. (In Russ.)
26. Lasunskiy O. *Zhitel' rodnogo goroda: Voronezhskie gody Andreya Platonova (1899–1926)* [A Resident of Hometown: Voronezh Years of Andrey Platonov (1899–1926)]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1999. 288 p. (In Russ.)
27. Likhachev D. S. Prerequisites for the Emergence of the Novel Genre in Russian Literature. In: *Likhachev D. S. Issledovaniya po drevnerusskoy literature* [Likhachev D. S. *The Study on Ancient Russian Literature*]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 96–112. (In Russ.)
28. Likhachev D. S. *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in the Literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2015. 320 p. (In Russ.)
29. Lukin I. Forms of Reason in Andrey Platonov's Creative and Philosophical System. Based on His Short Story “The Garbage Wind” (“Musornyy Veter”) and Short Novel “Yamskaya Sloboda”. In: *Voprosy literatury*, 2017, no. 3, pp. 242–260. Available at: <https://voplit.ru/article/formy-razuma-v-hudozhestvenno-filosofskoj-sisteme-a-platonova-na-materiale-rasskaza-musornyj-veter-i-povesti-yamskaya-sloboda/> (accessed on April 1, 2023). (In Russ.)
30. Malygina N. M. *Khudozhestvennyy mir A. Platonova* [The Artistic World of A. Platonov]. Moscow, Moscow Polytechnic University Publ., 1995. 96 p. (In Russ.)
31. Malygina N. Comments. In: *Platonov A. P. Efirnyy trakt: povesti 1920-kh — nachala 1930-kh godov* [Platonov A. P. “Efirny Trakt”: Short Novels of 1920s — the Beginning of the 1930s]. Moscow, Vremya Publ., 2011, pp. 539–540. (In Russ.)
32. Mann Yu. V. Little Man. In: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [The Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, Intelvak Publ., 2001, column 494–495. (In Russ.)
33. Markovich V. *Peterburgskie povesti N. V. Gogolya* [St. Petersburg Shorts Novels by Nikolay Gogol]. Leningrad, Khudozestvennaya literatura Publ., 1989. 208 p. (In Russ.)
34. Matveeva I. I. *Komicheskoe v tvorchestve Andrey Platonova 1920-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Comic in the Works of Andrey Platonov of the 1920s. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Moscow, 1995. 18 p. (In Russ.)
35. Nikonova T. The Meaning-Forming Role of the Opposition in the Short Novel “Yamskaya Sloboda”. In: “Strana filosofov” *Andrey Platonova: problemy tvorchestva* [“Country of Philosophers” by Andrey Platonov: The Problems of Works]. Moscow,

- A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000, issue 4, pp. 282–288. (In Russ.)
36. Nikonova T. A. “Novyy chelovek” v russkoy literature 1900–1930-kh godov: *proektivnaya model’ i khudozhestvennaya praktika* [“The New Man” in Russian Literature of the 1900–1930s: Projective Model of Art Practice]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2003. 232 p. (In Russ.)
  37. Nikonova T. A. *Andrey Platonov v dialoge s mirom i sotsial’noy real’nost’yu* [Andrey Platonov in Dialogue with the World and Social Reality]. Voronezh, Nauka-Yunipress Publ., 2011. 220 p. (In Russ.)
  38. Polyakov A. V. *Printsiipy i priyomy vyrazheniya avtorskoj otsenki v proizvedeniyakh Andrey Platonova kontsa 1920-kh — nachala 1930-kh gg.: dis. ... kand. filol. nauk* [Principles and Techniques for Expressing the Author’s Assessment in the Works of Andrey Platonov of the Late 1920s — Early 1930s. PhD. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 170 p. (In Russ.)
  39. Rozhentseva E. A. *Istoricheskaya kontseptsiya A. P. Platonova (na materiale istorii teksta povestey “Epifanskije shlyuzy” i “Yamskaya sloboda”): dis. ... kand. filol. nauk* [Historical Concept of A. P. Platonov (Based on the History of the Text of the Short Novels “Epifanskije Shlyuzy” and “Yamskaya Sloboda”). PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 306 p. (In Russ.)
  40. Rozhentseva E. A. Comments. In: *Platonov A. Sochineniya* [Platonov A. The Works]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, vol. 2, pp. 662–681. (In Russ.)
  41. Svitel’skiy V. A. *Andrey Platonov vchera i segodnya. Stat’i o pisatele* [Andrey Platonov Yesterday and Today. Articles About the Writer]. Voronezh, Poligraf Publ., 1998. 156 p. (In Russ.)
  42. Sizykh O. V. *Motivy russkoy klassiki v tvorchestve A. Platonova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Motifs of Russian Classics in the Works of A. Platonov. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Moscow, 1997. 20 p. (In Russ.)
  43. Sokol E. M. “Malen’kiy chelovek” v tvorchestve russkikh pisateley 1840-kh godov v svete khristianskoy traditsii (ot Gogolya — k Dostoevskomu): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [“Little Man” in the Works of Russian Writers of the 1840s in the Light of the Christian Tradition (from Gogol to Dostoevsky). PhD. philol. sci. diss. abstract]. Moscow, 2003. 27 p. (In Russ.)
  44. Spiridonova I. A. Epithet “Decayed” in Andrey Platonov’s Artistic World (Analysis of His Novel “Chevengur” and War-Time Short Stories). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, issue 8, pp. 538–570. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=3467> (accessed on April 1, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2008.3467 (In Russ.)
  45. Tynyanov Yu. N. Literary Today. In: *Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Tynyanov Yu. N. Poetics. The History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 150–166. (In Russ.)
  46. Fomenko L. P. *Tvorchestvo A. P. Platonova (1899–1951): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Works of A. P. Platonov (1899–1951). PhD. philol. sci. diss. abstract]. Moscow, 1969. 17 p. (In Russ.)

47. Fomenko L. P. To the Issue of the Concept of the Hero in the Works of A. Platonov of the 20s. In: *Tvorchestvo A. Platonova: stat'i i soobshcheniya* [Works of A. Platonov: Articles and Messages]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1970, pp. 45–55. (In Russ.)
48. Khryashcheva N. P. “Kipyashchaya Vseleinnaya” A. Platonova: *dinamika obrazotvorchestva i miropostizheniya v sochineniyakh 20-kh godov* [“The Boiling Universe” by A. Platonov: The Dynamics of Imagery and World Awareness in the Works of the 20s]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., Sterlitamak, Sterlitamak State Pedagogical Institute Publ., 1998. 323 p. (In Russ.)
49. Shafranskaya E. F. “Little Man” in the Context of Russian Literature of the 19th — Early 20th Centuries. (Gogol — Dostoevsky — Sologub). In: *Russkaya slovesnost'*, 2001, no. 7, pp. 23–27. (In Russ.)
50. Yablokov E. A. On the Typology of Platonov's Characters. In: “Strana filosofov” *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* [“Country of Philosophers” by Andrey Platonov: The Problems of Works]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 1994, issue 1, pp. 194–203. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Заваркина Марина Владимировна, *Marina V. Zavarkina*, PhD (Филологический факультет, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Управления научных исследований, специалист Международного центра изучения Достоевского, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7972-2265>; e-mail: mvnikulina@mail.ru).

Marina V. Zavarkina, PhD (Philology), Senior Researcher of the Department of Scientific Research, Specialist of the International Center for the Study of Dostoevsky, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7972-2265>; e-mail: mvnikulina@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.05.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 06.08.2023

Принята к публикации / Accepted 10.08.2023

Дата публикации / Date of publication 12.09.2023